

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.05

Правильная ссылка на статью:

Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.

For citation:

Almakaeva A. M., Mavletova A. M. (2018) Modernization process in Russia: Can we expect the shift to emancipative values?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.

А. М. Алмакаева, А. М. Мавлетова МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: ОЖИДАТЬ ЛИ СДВИГА В СТОРОНУ ЭМАНСИПАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ?

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В
РОССИИ: ОЖИДАТЬ ЛИ СДВИГА В СТО-
РОНУ ЭМАНСИПАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ?

MODERNIZATION PROCESS IN RUSSIA:
CAN WE EXPECT THE SHIFT TO EMANCI-
PATIVE VALUES?

АЛМАКАЕВА Анна Михайловна — канди-
дат социологических наук, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2710-1525>

Anna M. ALMAKAEVA¹ — Cand. Sci.
(Soc.), Deputy Head, Laboratory for
Comparative Social Research (LCSR);
Senior Lecturer, Department of Sociology
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2710-1525>

МАВЛЕТОВА Айгуль Маратовна — канди-
дат социологических наук, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: amavletova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7407-2072>

Aigul M. MAVLETOVA¹ — Cand. Sci.
(Soc.), Senior Researcher, Laboratory
for Comparative Social Research (LCSR);
Associate Professor, Department of
Sociology
E-MAIL: amavletova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7407-2072>

¹ Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Согласно теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля более молодые когорты, социализировавшиеся в условиях экзистенциальной безопасности, являются основными носителями ценностей постматериализма и главной движущей силой модернизационного процесса. В настоящей статье проверяется справедливость этого тезиса для населения Российской Федерации. Базой для эмпирического исследования служат данные пяти волн Всемирного исследования ценностей, охватывающих период с 1990 по 2017 год. Основным методом выступает анализ «возраст-период-коhortа» (age-period-cohort analysis), позволяющий отделить эффекты возраста, временного периода и коhortа. Авторы используют усовершенствованную методику измерения эмансипативных ценностей, предложенную К. Вельцелем и состоящую из четырех отдельных компонентов: «автономия», «равенство», «выбор» и «голос». Результаты анализа показывают, что молодые когорты в России действительно обладают более высоким уровнем эмансипативных ценностей. Базой для трансформации ценностей являются три компонента из четырех: «автономия», «выбор» и «голос». «Равенство» не подвержено ни возрастным, ни коhortным эффектам.

Ключевые слова: постматериалистические ценности, эмансипативные ценности, когорты, возраст, модернизация, анализ «возраст-период-коhortа», Всемирное исследование ценностей

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: грант № 18-18-00341

Abstract. In their version of modernization theory, R. Inglehart and K. Welzel suggest that younger cohorts socialized under conditions of existential security are the main drivers of post-materialist values and modernization process. In this paper, we test this thesis based on five waves of the World Values Survey fielded in Russia and covering the period from 1990 to 2017. We use age-period-cohort analysis, which disentangles the effects of age, time period and cohorts. We implement a method of measuring emancipative values proposed by K. Welzel. His emancipative values consist of four different indices: «autonomy», «equality», «choice», and «voice». The results show that younger cohorts in Russia do have a higher level of emancipative values as suggested by the theory. The basis for the transformation of values is three indices out of four: «autonomy», «choice», and «voice». «Equality» is the only index that showed neither age nor cohort differences.

Keywords: post-materialist values, emancipative values, cohorts, age, modernization, «age-period-cohort» analysis, World Values Survey

Acknowledgments. This article is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 18-18-00341

«Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

«Transformation of values and subjective quality of life: A regional perspective».

Данная работа строится на эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта и дополняющей ее теории эмансипации К. Вельцеля, рассматривающих становление человеческих обществ как поступательный процесс, состоящий из трех базовых стадий: экономической, культурной (ценностной) и институциональной [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Вельцель, 2017], [Inglehart, 1977], [Inglehart, Baker, 2000]. Послевоенный экономический рост и отсутствие крупных вооруженных конфликтов привели к повышению уровня экзистенциальной¹ безопасности в целом ряде западных стран. Это в свою очередь способствовало развитию постматериалистических ценностей, послуживших толчком для институциональных трансформаций. В отличие от теорий, предполагающих, что в основе модернизационных процессов лежат изменения в институтах, Р. Инглхарт и К. Вельцель указывают на противоположную детерминацию. Ценностный сдвиг приводит, по мнению авторов, к изменению политических установок, к большему запросу на демократические институты, а также к большей вовлеченности людей в политические процессы, что способствует дальнейшей демократизации. Эта теория была валидизирована на обширных межстрановых данных Всемирного исследования ценностей и с применением продвинутых методов статистического анализа [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Вельцель, 2017]. Поэтому модернизацию в данной работе мы будем понимать именно как изменение ценностей от материалистических до постматериалистических.

Базовые ценности трансформируются медленно и постепенно, но их модификация, главным образом, происходит, когда более молодые когорты социализируются и живут в условиях физической и экономической безопасности в течение долгого времени [Inglehart et. al., 2017]. Несмотря на то что базовые ценности россиян, а также их возрастные различия уже не раз описывались в литературе [Магун, Руднев, 2008], [Магун, Руднев, 2010], [Мастикова, 2013], [Магун и др., 2015], [Федотова, 2017], динамике когортных различий практически не уделялось внимания. Более того, на данный момент нет работ, одновременно тестирующих влияние когорты, возраста и временного периода. Следовательно, нет надежных данных, позволяющих отделить эффект жизненного цикла индивида от эффекта социально-исторического периода социализации, который отражают когорты. Однако только такой анализ позволяет адекватно ответить на вопрос, стоит ли ожидать роста постматериалистических ценностей в России.

¹ В своих работах Р. Инглхарт и К. Вельцель не дают четкой и развернутой дефиниции термина «экзистенциальная безопасность». В самом общем виде они определяют ее как гарантированный уровень физического выживания, а при описании, как правило, говорят об отсутствии вооруженных конфликтов, показателях смертности, продолжительности жизни и экономического развития [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Инглхарт, 2018]. Исходя из этого можно сделать вывод, что авторы понимают безопасность в двух основных смыслах: 1. как уровень экономического развития, обеспечивающий выживание; 2. как непосредственную физическую безопасность индивидов. В этих смыслах термин «экзистенциальная безопасность» будет использоваться и в данной работе.

Кроме того, в данном исследовании использована усовершенствованная и более проработанная с теоретической точки зрения методика измерения эмансипативных (постматериалистических) ценностей [Вельцель, 2017], в которой К. Вельцель выделяет четыре компонента: автономию, равенство, выбор и голос. «Автономия» подчеркивает приоритет таких качеств как независимость и воображение, а также меньшую важность послушания при воспитании детей. «Равенство» — равенство между мужчинами и женщинами в сфере образования, политического лидерства и руководства предприятиями. «Выбор» описывает сексуальные, брачные и репродуктивные установки и измеряется через оправдание гомосексуальности, развода и аборта. «Голос» делает акцент на значимости свободы слова, участия граждан в принятии политических решений и необходимости учета мнения жителей на работе и в местных сообществах.

Наряду с общей траекторией трансформации ценностей, такой подход дает возможность определить, за счет каких элементов будут происходить изменения, что позволит точнее оценить накопленный в России модернизационный потенциал. В работе использованы данные пяти волн Всемирного исследования ценностей и анализ «возраст-период-когорты» (age-period-cohort analysis, apc analysis).

Эволюционная теория модернизации Р. Инглхарта

Классики социологии, включая К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, описывали процессы перехода от традиционного общества к обществу модерна. Они отмечали такие процессы как урбанизация, секуляризация и рационализация («расколдовывание мира»). Р. Инглхарт ввел в предлагаемые ими теории второе измерение. В его концепции наряду с осью «традиционные/секулярно-рациональные ценности» появляется ось «материалистические/постматериалистические ценности», или «ценности выживания ценности самовыражения» [Inglehart, 1997], [Inglehart, Baker, 2000]. Уже начиная с конца 1960-х гг. в некоторых странах было зафиксировано снижение доли людей, придерживающихся материалистических ценностей, и рост числа людей, придерживающихся ценностей свободы и самовыражения [Inglehart, 1977]. Параллельно происходило развитие средств массовой информации и увеличение доступа к высшему образованию. Указанные тенденции привели к интенсификации политической жизни среди обычных граждан, недовольству работой институтов, а также к усилению давления на элиты, что, в свою очередь, способствовало политической мобилизации и демократизации этих стран [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Вельцель, 2017], [Inglehart, 1977], [Inglehart, Baker, 2000].

Р. Инглхарт описывает сущность ценностного сдвига следующим образом. Во-первых, в условиях экономического процветания все больше индивидов из различных возрастных групп начинают ценить свободу выбора, автономию, а также становятся толерантными к представителям аутгрупп, что невозможно при низком уровне жизни и наличии серьезных социально-экономических проблем. Во-вторых, трансформация ценностей — длительный процесс. В основном, ценности отражают условия социализации и взросления, поэтому изменения происходят и за счет смены поколений [Inglehart, 1997]. Действительно, младшие возрастные когорты больше ориентированы на постматериалистические ценности

по сравнению со старшими возрастными когортами [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Инглхарт, 2018], [Inglehart, 1997]. При этом как только удельный вес людей, придерживающихся постматериалистических ценностей, начинает приближаться к критической отметке (set-point), скорость трансформации увеличивается и, как результат, устанавливаются новые нормы, социально желательные установки и поведенческие паттерны [Инглхарт, 2018], [Inglehart et. al., 2017].

Модернизационные процессы в России

Коллапс советской социально-экономической системы в конце 1980-х — начале 1990-х годов привел к резкому снижению уровня экзистенциальной безопасности в России: доходы населения резко сократились, возросло экономическое неравенство, а институты социального обеспечения перестали работать [Карачаровский, Шкаратан, 2018], [Овчарова и др., 2014]. Как следствие вырос уровень смертности и преступности, сильно упала продолжительность жизни, уровень счастья, а также все остальные показатели социального благополучия² [Вишневский, 1999], [Лапин, 2010], [Беляева, 2011], [Foa et al., 2017].

Данные социальные изменения изучались многими российскими учеными. В ряде работ подчеркивалась ключевая роль институтов в развитии общества [Бессонова, 1997], [Заславская, 2004], [Кирдина, 2004], в других статьях — наряду с институтами — указывалось на значимость ценностей и норм россиян [Лебедева, Татарко, 2007], [Ясин, 2007], [Магун, Руднев, 2008], [Горшков, 2010], [Горшков и др., 2010], [Ядов, 2010], [Магун, Руднев, Шмидт, 2015], [Атлас модернизации России и ее регионов, 2016]. Для целей настоящей работы ключевым является именно второй подход. Как уже было отмечено, согласно теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля основным источником ценностей постматериализма являются молодые когорты, социализировавшиеся в условиях экзистенциальной безопасности. Соответственно, главный вопрос, на который нам предстоит ответить, — есть ли в современной России потенциал для таких изменений или страна до сих пор преодолевает последствия социально-экономического упадка 1990-х годов.

Проведенные исследования не дают однозначного ответа. С одной стороны, наличие экономические предпосылки для роста постматериалистических ценностей. Так, начиная с конца 1990-х гг., за исключением кризисного периода 2007—2008 гг., и ВВП, и реальные денежные доходы населения России увеличивались [Овчарова и др., 2014], [Карачаровский, Шкаратан, 2018]. Таким образом, к 2017 году фактически выросло поколение, которое почти не застало кризисные 1990-е годы. С другой — немногочисленные эмпирические свидетельства демонстрируют противоречивые результаты. Так, В. Магун и М. Руднев на базе третьего раунда Европейского социального исследования 2006 г. сравнили ценности молодых (15—23 года) и пожилых россиян (62 года и старше) с ценностями молодых и пожилых европейцев по методике Ш. Шварца. Авторы выявили, что молодые россияне по ценностям «открытости к изменениям» и «самоутверждения» ближе к европейцам, чем к пожилым россиянам [Магун и Руднев, 2010]. При этом ценность «самостоятельность», входящая наряду с ценностями «стимуляция» и «гедонизм» в сектор «открытость

² См. например, открытые данные Всемирного Банка (URL: <https://data.worldbank.org>) и Росстата (URL: <http://www.gks.ru>).

изменениям» в методике Ш. Шварца, пересекается по смысловому содержанию с постматериалистическими ценностями (ценностями самовыражения) в методике Р. Инглхарта [Dobewall, Rudnev, 2014]. В. Федотова на специально собранной выборке размером в 380 респондентов и расширенном варианте методики Ш. Шварца, состоящей из 57 суждений, также зафиксировала, что «самостоятельность» у молодого поколения выражена сильнее. Такая же тенденция была характерна для ценностей стимуляции и универсализма [Федотова, 2017].

Р. Инглхарт, напротив, отмечает отсутствие когортных изменений в России, хотя бывшие коммунистические страны, вступившие в Европейский Союз, показывают явный модернизационный сдвиг в виде роста постматериалистов в молодых когортах [Инглхарт, 2018]. По мнению Инглхарта, периода в 17 лет явно недостаточно для ценностных трансформаций. Россия пережила значительное снижение уровня экзистенциальной безопасности с 1990-х годов и лишь только в начале 2000-х годов российская экономика начала восстанавливаться, а уровень преступности и смертности сократился.

Как же можно объяснить противоречие в результатах исследований? Во-первых, разницей в методиках. При явном сходстве по ряду параметров, существенные различия между методиками все же остаются [Dobewall, Rudnev, 2014]. Во-вторых, имеет место несовершенство подхода Р. Инглхарта к измерению ценностей. В частности, отсутствие четкой концептуализации [Вельцель, 2017]. Действительно, показатели, вошедшие впоследствии в «традиционное/секулярно-рациональное» и «материалистическое/постматериалистическое» измерения были отобраны не с точки зрения теории, а по результатам эмпирического анализа с использованием метода главных компонент [Inglehart, Baker, 2000], [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Кроме того, Р. Инглхарт ориентируется на бинарную оппозицию «материалисты/посматериалисты», игнорируя континуальность шкалы и промежуточные варианты [Андреенкова, 1994]. Более проработанная версия методики впоследствии была предложена соавтором и последователем идей Р. Инглхарта К. Вельцелем [Вельцель, 2017]. Наряду с общей оценкой уровня постматериалистических ценностей, предложенная методика позволяет оценить изменения по 4 частным индексам.

В-третьих, ни в одном из упомянутых исследований не тестировались одновременно эффекты временного периода, возраста и когорт, а это очень важное условие. Возраст отражает влияние жизненного цикла индивида, период — социальные и экономические флуктуации, например, экономический кризис, и только когорты в полной мере отражают те общие исторические условия, в которых происходила социализация индивидов [Ибрагимова, 2014].

Наконец, в-четвертых, ни одна из перечисленных выше работ не учитывает новейшие российские данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследований ценностей, собранной в конце 2017 года. В данной работе мы попытаемся преодолеть все эти недостатки.

Методика подсчета эмансипативных ценностей

Общий индекс постматериалистических ценностей подсчитывался по методике, предложенной К. Вельцелем [Вельцель, 2017]. Первоначально Р. Инглхарт

и У. Бэйкер, наряду с принятием гомосексуальности и приоритетом свободы и участия, включали в измерение ценностей уровень счастья, доверие, а также подписание петиций [Инглхарт, Вельцель, 2011; Inglehart, Baker, 2000]. К. Вельцель подверг пересмотру эту схему как излишне широкую. «Ценность самовыражения, — пишет он, — включает счастье, но ощущение счастья — это не ценностная ориентация, а показатель эмоционального благополучия. Сходным образом, доверие людям и подписание петиций не измеряют ценностные ориентации. Доверие людям отражают оценку того, можно ли полагаться на других людей, а не ценность. Подписание петиций — это также не ценность, а действие» [Вельцель, 2017: 93—94]. В итоге, К. Вельцель предложил усовершенствованный вариант, названный им эмансипативными ценностями. Они содержат 4 компонента: автономия, равенство, выбор и голос. Итоговый обобщенный индекс рассчитывается как среднее значение четырех частных индексов. В таблице 1 отражена полная схема расчетов.

Укажем на методическую трудность: во второй волне Всемирного исследования ценностей в России (1990 г.) два вопроса из блока «равенство» не задавались. Блок в 1990 г. представлен только одним суждением, что ставит вопрос о сравнимости данных. Наши расчеты по каждой из волн с полными российскими данными показали: (1) коэффициенты корреляции между обобщенным индексом эмансипативных ценностей, посчитанным на основе 3-х суждений из блока «равенство» и индексом эмансипативных ценностей, посчитанным на основе одного суждения из блока «равенство» (о приоритете мужчин перед женщинами при найме), варьируются в районе 0,9 для каждой из 5 волн; (2) коэффициенты корреляции между индексом равенства из трех вопросов и вопросом о приоритете при найме на работу — в районе 0,7—0,8. Такая тесная связь доказывает возможность адекватного сравнения данных второго и последующих раундов Всемирного исследования ценностей.

Некоторые ученые критикуют подход К. Вельцеля за отсутствие измерительной инвариантности [Aleman, Woods, 2015], [Sokolov, 2018]. Последнее, по их мнению, не позволяет адекватно использовать этот инструмент в кросс-культурных исследованиях, поскольку смысл, который респонденты вкладывают в вопросы индекса, различается в зависимости от страны проживания. К. Вельцель и Р. Инглхарт, наоборот, говорят о том, что новый подход, представляет собой нормативную концепцию, идеал, к которому необходимо стремиться, поэтому проблемы инвариантности должны отойти на второй план. В этом смысле, индекс эмансипативных ценностей следует формативной логике, поэтому не столь важно, насколько его показатели скоррелированы друг с другом³. Более того, как показывают исследования, предложенный инструмент обладает хорошей предсказательной силой в отношении других социальных явлений, и это является более важным показателем качества (подробнее об этом см.: [Вельцель, 2017], [Welzel, Inglehart, 2016]). Авторы данной работы также придерживаются точки зрения К. Вельцеля и Р. Инглхарта.

³ Следует различать два типа индикаторов: формативные и рефлексивные. Рефлексивные индикаторы являются непосредственным отражением измеряемого конструкта и, как следствие, должны быть тесно связаны друг с другом. Формативные индикаторы создают конструкт. Они комбинируются друг с другом не по причине высоких корреляций, а потому, что такое сочетание обосновано теорией [Bollen, 2002], [Вельцель, 2017].

Таблица 1. **Схема конструирования обобщенного индекса эмансипативных (постматериалистических) ценностей**

Частные индексы	Показатели	Тип шкалы
Автономия	Независимость как желательное качество при воспитании ребенка Воображение как желательное качество при воспитании ребенка Послушание как нежелательное качество при воспитании ребенка	Дихотомическая 0 — отсутствие выбора 1 — наличие выбора Обратная кодировка для последнего качества.
Равенство	Степень согласия с утверждениями: Образование важнее для мальчика, чем для девочки (тренд с 1995 г.) В целом, мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины (тренд с 1995 г.) Когда рабочих мест не хватает, мужчины при найме должны пользоваться приоритетом перед женщинами (тренд с 1990 г.)	4 балла для первых двух суждений. 3 балла для последнего суждения в 2—6 волнах, 5 баллов — в 7-й волне. Минимальное значение — традиционные гендерные установки, максимальное значение — эгалитарные.
Выбор	Степень оправдания следующих явлений: Развод Аборт Гомосексуальность	10 баллов. Минимальное значение — резкое осуждение, максимальное значение — полное оправдание
Голос	Приоритет следующих целей в развитии страны: а) Защита свободы слова; б) учет мнения людей при принятии правительственных решений. Учет мнения людей на работе и в местных сообществах.	Выбор указанных суждений на 1—2 место из 4-х возможных. Минимальное значение — невыбор суждений на 1—2 место. Максимальное значение — выбор суждений на 1 и 2 место. Выбор суждения из четырех возможных на 1—2 место. Минимальное значение — невыбор суждения ни на одно из двух первых мест. Максимальное значение — выбор суждения на 1-е место.

Данные

Для выявления эффекта возраста, когорт и временного периода были взяты данные пяти волн Всемирного исследования ценностей, проведенных по общероссийской репрезентативной выборке в 1990, 1995, 2006, 2011 и 2017 гг.⁴ Мы рассчитали обобщенный индекс эмансипативных ценностей, а также 4 частных

⁴ Более подробная информация отражена на официальном сайте Всемирного исследования ценностей <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

Сбор данных 7-й волны Всемирного исследования ценностей, реализованный в 2017 г., финансировался из средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

индекса — автономии, равенства, выбора и голоса, — согласно методологии подсчета, предложенной Вельцелем⁵. Все индексы стандартизированы и варьируются от 0 до 1, где 0 — наименьшее значение индекса, а 1 — наибольшее значение.

Возрастные группы, когорты, временной период анализа и контрольные переменные

Как уже было отмечено выше, в качестве основного метода в работе применен так называемый анализ «возраст-период-коhortа» (age-period-cohort analysis) или арс-анализ. Для его реализации весь массив был поделен на семь возрастных групп (16—19, 20—29, 30—39, 40—49, 50—59, 60—69, 70 лет и старше) и восемь когорт (до 1926, 1927—1936, 1937—1946, 1947—1956, 1957—1966, 1967—1976, 1977—1986, 1987 г. и младше). Для сопоставимости временные периоды для когорт повторяют временные периоды, использованные в работах Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Инглхарт, 2018]. Наполненность когорт в разные волны опроса представлена в Таблице 1 в Приложении.

Поскольку временной период равен сумме возраста респондента и когорты, эти переменные, одновременно включенные в одну регрессионную модель, порождают проблему мультиколлинеарности, и, как следствие, незначимость регрессионных коэффициентов. В литературе предлагается ряд возможных решений. Одно из них, предложенное К. Мейсоном и коллегами, состоит во введении ограничений в регрессионную модель [Mason et al., 1973]. Исследователи предложили включать как минимум два ограничения, а именно, приравнивать друг к другу регрессионные коэффициенты двух возрастных групп, двух временных периодов (либо двух когорт). Наиболее уязвимое место данного решения — отсутствие теоретических предпосылок для уравнивания. Несмотря на это, к такому способу прибегают во многих работах, и его результаты показывают схожие с другими подходами оценки, например, с оценкой методом «intrinsic estimator» [Clark, Eisenstein, 2013]. Хотя метод «intrinsic estimator» активно обсуждается в литературе, посвященной анализу «возраст-период-коhortа», в некоторых работах подчеркивается наличие смещений и сложность в интерпретации полученных данных [Luo, 2013; Grotenhuis et al., 2016]. В связи с этим мы применим регрессионное моделирование с введением ограничений.

В качестве контрольных переменных будут использованы пол и занятость. К сожалению, вопрос об уровне образования был пропущен во второй российской волне Всемирного исследования ценностей, что не позволяет использовать этот показатель для анализа.

Результаты

Тренды эмансипативных ценностей в России. Для начала рассмотрим общие тренды ценностей и их отдельных элементов (см. рис. 1). Наибольшее значение среди всех индексов у компонента «равенство», а наименьшее — у компонента «голос». Обобщенный индекс варьируется от 0,34 до 0,41 в разных волнах. Мы видим падение уровня эмансипативных ценностей в 1995 г. по сравнению с 1990 г., а дальше его увеличение в 2006, 2011 и 2017 гг. При этом уже в 2011 г. он достиг

⁵ Подробное описание процедуры подсчета ценностей можно найти на официальном сайте Всемирного исследования ценностей (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=weizelidx>).

значения 1990 г. Эти тенденции подтверждают ключевую роль экзистенциальной безопасности в ценностной трансформации. Так, в 1994—1995 гг. снизилась ожидаемая продолжительность жизни по сравнению с 1990 г. (с 69,2 до 64,5 в 1995 г.), ВВП на душу населения (с 3485\$ до 2666\$), увеличился коэффициент смертности (с 11,19 до 14,98) и младенческой смертности (с 17,39 до 18,06), а также резко вырос уровень преступности (см. ссылки выше на Всемирный Банк и Росстат). В 1995 г. уменьшаются все частные индексы кроме выбора, отражающего оправдание разводов, аборт и гомосексуальности. Он единственный из четырех компонентов показал восходящий тренд. Подобная ситуация вполне объяснима, так как начало 1990-х гг. ознаменовалось либерализацией сексуальных и брачных норм.

Для России 1998—1999 гг. были тяжелыми в связи с экономическими кризисом и дефолтом, однако уже в начале 2000-х годов ситуация стала более благоприятной благодаря росту цен на нефть. Как следствие, замер 2006 г. продемонстрировал увеличение обобщенного индекса эмансипативных ценностей почти до уровня 1990 г. В 2006 г. Его рост происходил за счет компонентов «равенство» и «автономия», тогда как «голос» и «выбор» почти не изменились. Параллельно к 2006 г. до 66,7 выросла ожидаемая продолжительность жизни, ВВП на душу населения достиг 6920\$, сократилась безработица и преступность [Всемирный Банк, Росстат].

В 2011 и в 2017 гг. позитивные тенденции для ВВП, ожидаемой продолжительности и младенческой смертности жизни нашли свое продолжение, что сказалось на дальнейшем увеличении уровня эмансипативных ценностей. Практически все компоненты, кроме «равенства», превысили значения 1990 года. К сожалению, в данном случае эффект временных трендов смешан с эффектом когорт и возраста, поэтому сложно сказать, какие когорты являются потенциалом для дальнейших изменений. Чтобы ответить на этот вопрос далее рассмотрим различия между возрастными группами и когортами раздельно.

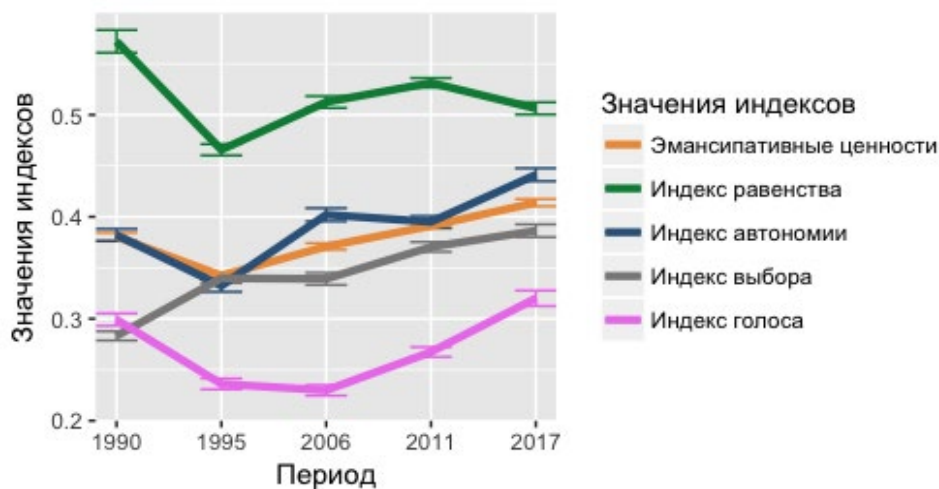

Рис. 1. Значения индексов эмансипативных ценностей в разрезе времени: 1990—2017 гг.

Рис. 2 показывает, что в каждой волне Всемирного исследования ценностей значимость эмансипативных ценностей с возрастом снижается. По частным индексам также фиксируется возрастное уменьшение важности для всех элементов за исключением равенства (см. Рис. 2а-2г). Анализ в разрезе по когортам показывает сходные тенденции: самые молодые когорты обладают более выраженными эмансипативными ценностями (рис. 3). Та же картина характерна для индексов автономии, выбора и голоса. Для индекса равенства различия опять отсутствуют (см. Рис 3а-3г). Почти по всем индексам когорта 1967—1976 гг. идентична когорте 1977—1986 гг.

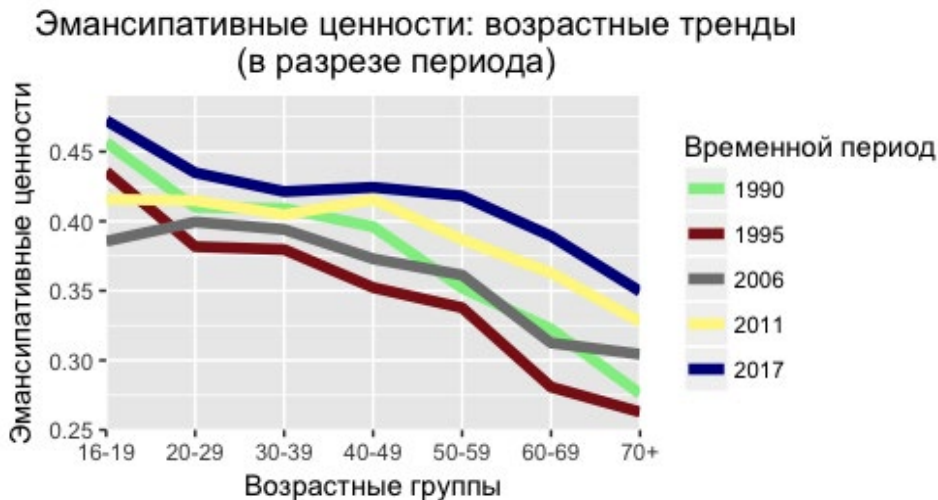

Рис. 2. Уровень эмансипативных ценностей в различных возрастных группах в пяти волнах Всемирного исследования ценностей

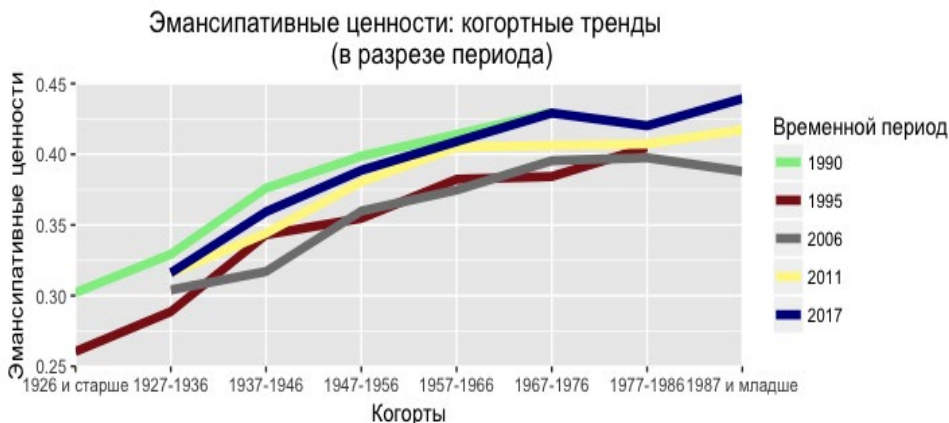

Рис. 3. Уровень эмансипативных ценностей в различных когортах в пяти волнах Всемирного исследования ценностей

Рис. 2а-2 г. Уровень индексов автономии (2а), равенства (2б), выбора (2б) и голоса (2г) в различных возрастных группах в пяти волнах Всемирного исследования ценностей

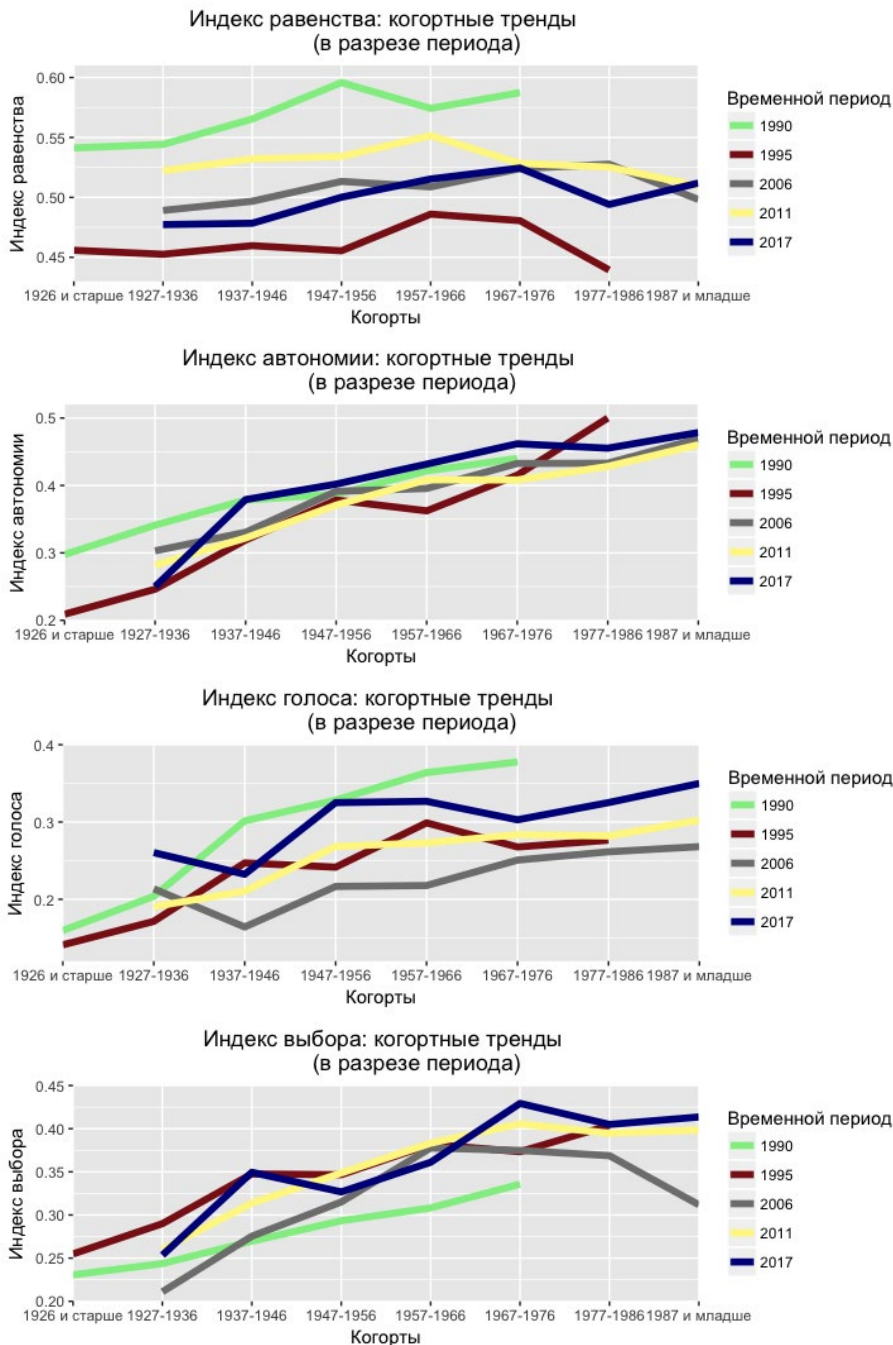

Рис. 3. Уровень индексов автономии (За), равенства (Зб), выбора (Зв) и голоса (Зг) в различных когортах в пяти волнах Всемирного исследования ценностей

Рассмотренные графики учитывают только два эффекта из трех: либо эффект возраста и периода, либо эффект когорты и периода. Для валидации обнаруженной динамики необходим регрессионный анализ. Как уже было сказано выше, мы будем использовать модели с введением ограничений. Для этого приравняем коэффициенты возрастных групп 30—39 лет и 40—49 лет, а также двух когорт 1967—1976 и 1977—1986 гг. Такой выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, с точки зрения теории модернизации нас интересует разница между самыми младшими и самыми старшими когортами, и, во-вторых, значимых различий между этими когортами и возрастными группами не обнаружено. Объясненная дисперсия в регрессионной модели, построенной для обобщенного индекса эмансипативных ценностей, составляет 9%, что является относительно неплохим результатом для моделирования на индивидуальном, а не агрегированном уровне. Для моделей с частными индексами она чуть ниже — 4—5%. Однако при интерпретации этих показателей следует учитывать, что здесь, фактически, используются модели, в которые включены только социально-демографические переменные, поэтому долю объясненной дисперсии в 4—5% в данном случае нельзя считать незначительной (см. табл. 2).

Результаты регрессионного анализа

Эффект периода. В качестве контрольной группы, с которой сравниваются значения временных периодов, выбрана седьмая волна Всемирного исследования ценностей 2017 г. (см. табл. 2). Эффект периода найден во всех компонентах индекса эмансипативных ценностей. Это означает, что ценностная трансформация происходит не только за счет когорт, но и за счет изменения экономической и социокультурной ситуации в стране. Так, обобщенный индекс эмансипативных ценностей достиг в 2017 г. наибольшего значения. Та же ситуация характерна и для элемента «автономия». Элемент «голос» в 2017 г. сравнялся со значением 1990 года, «выбор» остался на уровне 2011 г., а вот «равенство» отражающее гендерные установки, наоборот, стало менее выраженным, чем в 2011 и 1990 гг. Таким образом, можно говорить о двух противоречивых тенденциях: на фоне растущей либерализации в отношении норм брачного, сексуального и репродуктивного поведения, наблюдается некоторый откат в сторону традиционных гендерных норм.

Эффект возраста. В качестве контрольной группы для оценки роли возраста выступили респонденты в возрасте от 70 лет и старше (см. табл. 2). Результаты анализа для общего индекса ценностей повторяют тенденции, отраженные на рис. 2: чем старше становится индивид, тем менее выражены у него эмансипативные ценности. Из отдельных компонентов только «автономия» полностью повторяет эту тенденцию. А вот по остальным элементам устойчивых различий обнаружено не было. Для равенства и голоса они полностью нивелируются, а вот для выбора возрастная зависимость нелинейная: наиболее высокие значения наблюдаются в возрастных группах 30—39, 40—49 и 50—59 лет, а респонденты до 30 лет похожи по данным установкам на респондентов старше 60.

Эффект когорт. Здесь базовая категория — когорта 1927—1936 гг. (см. табл. 2). Эффект когорт также обнаруживается во всех компонентах индекса эмансипативных ценностей кроме равенства. Как и предсказывает теория модернизации

Р. Инглхарта и К. Вельцеля, в более молодых когортах значения индексов выше. При этом влияние когорт наиболее сильно выражено у выбора и голоса. Для автономии теория подтверждается с одной оговоркой: самая молодая когорта оказалась идентичной наиболее пожилой. Для элемента, отражающего гендерное равенство, когортные эффекты также, как и возрастные, оказались незначимы. Гораздо важнее оказалось влияние пола и занятости. У занятых оказались более эгалитарные гендерные установки, но мужчины более ориентированы на традиционные роли.

Таблица 2. Результаты регрессионного моделирования

	Эман-ценности	Автономия	Равенство	Выбор	Голос
Константа	0.34***	0.31***	0.52***	0.29***	0.22***
Период					
(Базовая категория — 2017 год)					
1990	-0.02*	-0.05**	0.07***	-0.08***	0.01
1995	-0.05***	-0.09***	-0.04*	-0.02	-0.05***
2006	-0.04***	-0.05***	0.01	-0.04***	-0.09***
2011	-0.02***	-0.05***	0.03***	-0.01	-0.05***
Возраст					
Базовая категория — 70 лет и старше					
16—19	0.07***	0.13***	0.03	0.04	0.05
20—29	0.05**	0.09**	0.01	0.05	0.02
30—39=40—49	0.03**	0.07**	0.01	0.05*	0.00
50—59	0.02**	0.04**	-0.00	0.03*	0.01
60—69	0.01	0.02	0.00	0.02	-0.01
Когорта					
Базовая категория — когорта 1927—1936 гг.					
До 1926	-0.02*	-0.01	0.00	0.00	-0.05***
1937—1946	0.03***	0.03*	0.01	0.03**	0.04***
1947—1956	0.04***	0.04**	0.02	0.03*	0.08***
1957—1966	0.05***	0.04*	0.02	0.06***	0.09***
1967—1976= 1977—1986	0.06***	0.05*	0.02	0.08***	0.09***
1987 и младше	0.05**	0.05	0.01	0.07**	0.09**
Мужской пол	-0.03***	0.03***	-0.11***	-0.04***	0.01
Занятые	0.02***	0.02***	0.02*	0.02***	0.00
R²	0.087***	0.050***	0.044***	0.055***	0.045***
N	10246	10240	10122	10027	10210

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$. Контрольные группы: Период: 2017 г. Возраст: 70 лет и старше. Когорта: 1927—1936. «=» означает равенство регрессионных коэффициентов

Необходимо также отметить ряд ограничений данного исследования. Во-первых, анализ «возраст-период-коhortа» был применен на данных пяти волн и добавление новых раундов может внести корректировки в результаты регрессионных моделей. В то же время если найденные тренды продолжатся, то включение новых данных должно лишь усилить обнаруженную коhortную дифференциацию. Во-вторых, для решения проблемы мультиколлинеарности было решено воспользоваться методом введения равенства четырех регрессионных коэффициентов. Такой подход часто подвергается критике из-за отсутствия теоретических предпосылок для приравнивания коэффициентов регрессионного уравнения. Однако в данном случае, имелись и теоретические предпосылки, и эмпирические свидетельства правомерности приравнивания двух средних возрастных коhort и двух средних возрастных групп друг к другу. В-третьих, не все коhortы репрезентированы во всех пяти волнах: молодые коhortы появляются, начиная с 1995 и 2006 гг., в то время как старшая коhortа не представлена в данных, начиная с 2006 г. Кроме того, размер выборки каждой коhortы варьируется в разных волнах, что может приводить к смещенным оценкам коhortных трендов в разрезе периода. Наконец, в качестве дополнительных контрольных переменных в модели были включены лишь пол и занятость (вопрос об уровне образования не был включен в связи с тем, что этих данных нет во второй волне исследования), что также могло привести к относительно невысоким показателям коэффициента детерминации. К сожалению, преодолеть два последних ограничения не позволил характер используемых данных.

Заключение

Теория модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля утверждает, что трансформация базовых ценностей в сторону постматериалистических происходит за счет более молодых коhort, прошедших социализацию в ситуации экзистенциальной безопасности. Авторы теории обнаружили эти паттерны в целом ряде западных стран [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018]. Во многих постсоветских государствах, впоследствии вошедших в Европейский союз, такие тенденции также присутствуют [Инглхарт, 2018]. Россия, как утверждает Р. Инглхарт, пережила в 1990-е тяжелый трансформационный период, и ожидать роста постматериалистических ценностей у молодых коhort преждевременно. Его анализ, действительно, не выявил значимых различий на российской выборке [Инглхарт, 2018], однако в некоторых статьях значимые различия все же обнаружены [Магун, Руднев, 2008], [Магун, Руднев, 2010], [Мастикова, 2013], [Магун и др., 2015], [Федотова, 2017].

Одной из причин такого противоречия может быть несовершенство методики, измеряющей постматериалистические ценности. Вторая касается метода анализа данных: ни в одной работе не применялся подход, позволяющий четко разделить эффекты возраста, периода и коhort. Когда оценивается лишь один из параметров, сложно сказать, будут ли найденные различия результатом жизненного цикла респондентов, влиянием общественных трансформаций или исторических условий, в которых социализировались коhortы.

Отталкиваясь от двух указанных предпосылок, авторы данной статьи прибегают к методу «возраст-период-коhorta» (age-period-cohort analysis) и усовершенствованной методике оценки постматериалистических ценностей, предложенной К. Вельцелем и получившей название «эмансипативные ценности» [Вельцель, 2017]. По сравнению с оригиналом она (1) лучше концептуализирована и проработана с теоретической точки зрения, (2) содержит не дихотомию «материалисты/постматериалисты», а континуум, (3) включает четыре отдельных компонента, которые позволяют понять, за счет чего именно складываются восходящие или нисходящие ценностные тренды.

Компонент «автономия» отражает приоритет таких качеств как независимость и воображение, а также меньшую важность послушания при воспитании детей. «Равенство» подчеркивает идентичные права и возможности между мужчинами и женщинами в сфере образования, политического лидерства и руководства предприятиями. «Выбор» описывает сексуальные, брачные и репродуктивные установки и измеряется через оправдание гомосексуальности, развода и аборта. «Голос» делает акцент на значимости свободы слова, участия граждан в принятии политических решений и необходимости учета мнения жителей на работе и в местных сообществах.

По данным Всемирного исследования ценностей после падения в 1995 году уровень эмансипативных ценностей в дальнейших замерах возрастал, а в 2017 году превысил значение 1990 года. Этот тренд характерен для всех компонентов кроме гендерного равенства, который, с одной стороны, так и не достиг величины 1990 года, а, с другой — даже в 2017 году не показал увеличения и оказался идентичен 2006 году.

Анализ «возраст-период-коhorta» зафиксировал и когортные, и возрастные различия. Эмансипативные ценности, действительно, связаны с жизненным циклом индивида, так как с возрастом их важность уменьшается. В то же время каждая новая коhorta характеризуется большей выраженностью этих ценностей. Таким образом, наш вывод гораздо более оптимистичен, чем вывод Р. Инглхарта: в России есть потенциал для перехода к постматериалистическим ценностям.

Если обращаться к частным индексам, то вырисовывается довольно интересная ситуация. «Равенство» — единственный компонент, не подверженный, ни возрастным, ни когортным эффектам. Здесь, вероятно, сказывается долгое советское наследие, когда на протяжении более 70 лет декларировалось равноправие между мужчинами и женщинами. Однако гендерные различия здесь все же существуют: в целом, женщины по-прежнему более ориентированы на эгалитарное разделение ролей. На этом фоне картина, характеризующая компонент «выбор», выглядит довольно противоречивой. Зависимость от возраста здесь нелинейная, поскольку к оправданию аборта, развода и гомосексуальности более склонны люди в возрасте от 30 до 60. Когортная дифференциация в данном индексе повторяет дифференциацию эмансипативных ценностей. В целом, можно говорить о разнонаправленности трендов: на фоне либерализации брачных и репродуктивных норм наблюдается некоторый откат в сторону традиционных гендерных ролей.

«Голос» характеризуется лишь когортным влиянием: молодым коhortам более важно иметь возможность выражать свое мнение и участвовать в принятии поли-

тических решений. Для «автономии» оказались значимыми оба эффекта, которые идентичны эффектам в общем индексе эмансипативных ценностей. В целом, проведенный анализ показывает, что базой для трансформации ценностей являются три компонента из четырех: «автономия», «выбор» и «голос».

Список литературы (References)

Андреенкова А. В. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 73—81.

Andreenkova A. V. (1994) Materialist/postmaterialist values in Russia. *Sociological Studies*. No. 11. P. 73—81 (In Russ.)

Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Н. А. Касавина. М.: Весь мир, 2016.

Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Issues. Compiled by: N. I. Lapin, L. A. Belyaeva, N. A. Kasavina. M.: Ves Mir, 2016 (In Russ.)

Беляева Л. А. Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 11—25.

Belyaeva L. A. (2011) Dynamics of Russian attitudes to socio-economic and political changes. *Sociological Studies*. No. 10. P. 11—25 (In Russ.)

Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.

Bessonova O. E. Institutes of the Russian distribution economy: A retrospective analysis. Novosibirsk: IE and OPP SB RAS, 1997 (In Russ.)

Вельцель К. Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ», 2017.

Welzel C. (2017). Freedom rising. M.: VCIOM (In Russ.)

Вишневский А. Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия // Мир России: Социология, этнология, 1999. Т. 8. № 4. С. 5—21.

Vishnevsky A. G. (1999) Demographic modernization of Russia and its contradictions. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 8. No. 4. P. 5—21 (In Russ.)

Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 28—41.

Gorshkov M. K. (2010) Social factors for Russian society modernization from the standpoint of sociological science. *Sociological Studies*. No. 10, p. 28—41 (In Russ.)

Готово ли российское общество к модернизации? ИС РАН / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010.

Is Russian society ready for modernization? IS RAS. Edited by M. K. Gorshkov, R. Krumma, N. E. Tikhonova. M.: Ves Mir, 2010 (In Russ.)

Ибрагимова Д. Х. Потребительские ожидания населения России (1996—2009): как взаимосвязаны когорты, поколения и возраст // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 24—69.

Ibragimova D. (2014) Consumer expectations of Russian population (1996—2009): How are cohort, generation and age related? *Economic Sociology*. Vol.15. No. 3. P. 24—69 (In Russ.)

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Zaslavskaya T. I. Contemporary Russian society. The social mechanism of transformation. M.: Delo, 2004 (In Russ.)

Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8—22.

Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. (2008) Social transformations in Russia in the epoch of global changes. *Sociological Journal*. No. 4. P. 8—22 (In Russ.)

Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к её измерению // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 2. С. 6—37.

Karacharovsky V. V., Shkaratan O. I. (2017) The social price of social changes and the search for approaches to its measurement. *The Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 26. No. 2. P. 6—37 (In Russ.)

Кирдина С. Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89—98.

Kirdina S. G. (2004) Institutional structure of modern Russia: evolutionary modernization. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 89—98 (In Russ.)

Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990—2002 гг.) // Мир России: Социология, этнология. 2003. Т. 12. № 4. С. 120—159.

Lapin N. I. (2003) How do they feel and what are the aims of the Russian citizens? Results of the monitoring survey «Our Values and Interests Today» (1990—2002). *The Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 12. No. 4. P. 120—159 (In Russ.)

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart R. Cultural evolution. People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. M.: Mysl, 2018 (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence. M.: Novoe Izdatelstvo, 2011 (In Russ.)

Лебедева Н. М., Татарко А. А. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

Lebedeva N.M, Tatarko A. A. Cultural values and society development. M.: HSE; The Liberal Mission Foundation, 2007 (In Russ.)

Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3—4. С. 74—93.

Magun V. S., Rudnev M. G., Schmidt P. (2015) Typology of european values and basic values of Russians. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions.* Vol. 121. No. 3—4. P. 74—93 (In Russ.)

Магун В. С., Руднев М. Г. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика. 2010. № 7—8. С. 96—103.

Magun V. S., Rudnev M. G. (2010) International comparisons of basic values of the Russian population and the dynamics of the socialization processes. *Obrazovatel'naya Politika.* No. 7—8. P. 96—103 (In Russ.)

Магун В. С., Руднев М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 33—58.

Magun V. S., Rudnev M. G. (2008) Values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions.* No. 1, p. 33—58 (In Russ.)

Мастикова Н. С. Ценности россиян и жителей европейских стран-лидеров (по данным европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 6. С. 148—156.

Mastikova N. S. (2013) Values of Russians and residents of leading European countries (based on the European social survey data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 148—156 (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад / рук. Л. Н. Овчарова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.

Ovcharova L. N., Burdyak A. Y, Pishnyak A. I., Popova D. O., Popova R. I., Rudberg A. M. (2014) Dynamics of monetary and non-monetary characteristics of living standards of the Russian households in the post-Soviet years: Analytical report / Edited by: L. N. Ovcharova. Moscow: The Liberal Mission Foundation (In Russ.)

Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. С. 78—86.

Fedotova V. A. (2017) Values of Russians in the context of age differences. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology.* No. 1, p. 78—86 (In Russ.)

Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России: Социология, этнология. 2010. № 3. С. 46—56.

Yadov V. A. (2010) National characteristics of modernization of the Russian society. *The Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. No. 3. P. 46—56 (In Russ.)

Ясин Е. Г. Модернизация и общество. VIII Международная научная конференция. Модернизация экономики и общественное развитие : в 3 кн. / под ред. Е. Г. Ясина. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2007. Кн. 1.

Yasin E. G. Modernization and society. VIII International Scientific Conference. Modernization of the economy and social development. *Edited by E. G. Yasin*. М.: HSE, 2007 (In Russ.)

Alemán J, Woods D. (2016) Value orientations from the world values survey: How comparable are they cross-nationally? *Comparative Political Studies*. Vol. 49. No. 8. P. 1039—1067. DOI: 10.1177/0010414015600458.

Bollen K. A. (2002). Latent Variables in Psychology and the Social Sciences. *Annual Review of Psychology*. Vol. 53. No. 1. P. 605—634. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135239>.

Clark K., Eisenstein M. A. (2012) Interpersonal trust: An age–period–cohort analysis revisited. *Social Science Research*. Vol. 42. No. 2. P. 361—375. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2012.09.006.

Dobewall H., Rudnev M. (2014) Common and unique features of Schwartz's and Inglehart's value theories at the country and individual levels. *Cross — Cultural Research*. Vol. 48. No. 1. P. 45—77. DOI: 10.1177/1069397113493584

Foa R., Inglehart R. F., Ponarin E., Karabchuk T. (2018) Set-point theory and societal collapse: The case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. No. 6. P. 1639—1656. DOI: 10.1007/s10902-017-9888-4.

Grotenhuis M. Te, Pelzer B., Luo L., Schmidt-Catran A.W. (2016) The intrinsic estimator, alternative estimates, and predictions of mortality trends: A comment on Masters, Hummer, Powers, Beck, Lin, and Finch. *Demography*. Vol. 53. No. 4. P. 1245—1252. DOI: 10.1007/s13524-016-0476-8.

Inglehart R. F. The silent revolution. Changing values and political styles among Western publics. 1977. Princeton, New Jersey.

Inglehart R. F. (2008) Changing values among western publics from 1970 to 2006. *Western European Politics*. Vol. 31. P. 130—146. DOI: 10.1080/01402380701834747.

Inglehart R. F., Baker W. E. (2000) Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. Vol. 65. P. 19—51. DOI: 10.2307/2657288.

Inglehart R. F., Ponarin E., Inglehart R. C. (2017) Cultural change, slow and fast: The distinctive trajectory of norms governing gender equality and sexual orientation. *Social Forces*. Vol. 95. No. 4. P. 1313—1340. DOI: 10.1093/sf/sox008.

Luo L. (2013) Assessing validity and application scope of the intrinsic estimator approach to the age-period-cohort problem. *Demography*. Vol. 50. No. 6. P. 1945—1967. DOI: 10.1007/s13524-013-0243-z.

Mason K. O., Mason W. M., Winsborough H. H., Poole W. K. (1973) Some methodological issues in cohort analysis of archival data. *American Sociological Review*. Vol. 38. No. 2. P. 242—258.

Sokolov B. (2018) The index of emancipative values: Measurement model misspecifications. *American Political Science Review*. Vol. 112. No. 2. P. 395—408. DOI: 10.1017/S0003055417000624.

Welzel C., Inglehart R. F. (2016) Misconceptions of measurement equivalence: Time for a paradigm shift. *Comparative Political Studies*. Vol. 49. No. 8. P. 1068—1094. DOI: 10.1177/0010414016628275.

Приложение

Таблица 1. Численность когорт в различных раундах Всемирного исследования ценностей

	1990	1995	2006	2011	2017
До 1926 г. %, N	11.4%	11.6%	—	—	—
	223	236	—	—	—
1927—1936 %, N	15.2%	15.8%	5.4%	5.5%	2.2%
	298	321	110	136	40
1937—1946 %, N	15.2%	15.0%	11.8%	10.8%	6.9%
	298	305	239	267	124
1947—1956 %, N	25.3%	20.3%	16.1%	17.6%	12.9%
	497	414	328	437	233
1957—1966 %, N	21.6%	21.4%	21.4%	18.5%	16.3%
	423	437	434	459	295
1967—1976 %, N	11.3%	14.8%	16.2%	16.6%	16.6%
	222	301	329	412	301
1977—1986 %, N	—	1.2%	20.6%	19.5%	21.6%
	—	24	418	485	391
1987 и младше %, N	—	—	8.6%	11.5%	23.5%
	—	—	174	286	425
Итого	100%	100%	100%	100%	100%
	1961	2038	2032	2482	1809